

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от

12 ФЕВ. 41

Москва

Газета №

Маяковский в немецком переводе

Проза имеет одно весьма существенное преимущество перед поэзией. Перевод прозаического произведения на иностранные языки доступен для добросовестного литератора-переводчика, чувствующего дух произведения, знающего оба языка. Поэтическое же произведение может быть переведено только поэтом, и притом перевод будет тем ближе к подлиннику, чем одареннее поэт, взявший на себя трудную задачу — перевести близкие ему по духу стихи. Популярности гениального поэта Адама Мицкевича в России во многом способствовал перевод стихотворения «Будрыс и его сыновья», сделанный Пушкиным, — настолько же великим в своих переводах, насколько велик он был в своих оригинальных произведениях. Переводы, принадлежащие перу Лермонтова, Жуковского, Тютчева и других русских поэтов, в сущности являются самоценными произведениями. Эти переводы сами по себе имеют поэтическое значение, и потому они способствовали распространению шедевров западноевропейской поэзии среди русских читателей.

Проза Толстого, Достоевского, Чехова оказала огромное влияние на литературу Запада отчасти и потому, что прозаические переводы не представляли больших трудностей по сравнению со стихотворными.

Произведения наших современных прозаиков, — особенно Горького, Шолохова, — завоевали широкую популярность среди зарубежных читателей. Иная судьба постигла произведения наших поэтов.

В своих заграничных поездках и встречах Маяковский не раз с горечью ощущал, что его поэтическое оружие и значение его, как поэта страны социализма, не всегда было известно читателям Запада именно вследствие того, что не было хороших переводов его произведений на немецкий, французский и английский языки. Литераторы Запада, знакомясь с Маяковским, чувствуя в нем огромную творческую силу, могли только догадываться о том, что перед ними — русский поэт первой величины.

Переводы на немецкий язык двух поэм Маяковского — «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» — по существу открывают поэта для зарубежных читателей, владеющих немецким языком. Этому помогла большая творческая работа переводчика Гуго Гупперта.

Сложность перевода стихов Маяковского на иностранные языки заключается еще и в том, что Маяковский был революционером и в области поэтической формы. Масштабы его тематики, оригинальность его образов, огромная сатирическая сила — все это нашло воплощение в новых ритмах стихосложения и своеобразных, присущих только Маяковскому, рифмах и ассонансах, найденных им впервые. Таким образом, переводчик стихов Маяковского должен был преодолеть большие трудности.

Попытки познакомить иностранных читателей с творчеством Маяковского были

и до перевода двух названных поэм. Однако в данном случае переводчик впервые выступил с переводами двух значительнейших работ поэта. Это еще увеличивает значение его труда.

Немецкий язык более удобен для стихотворных переводов с русского языка, чем, например, язык французский, где основной стихосложением является силлабический размер. Длина слова в немецком языке почти соответствует длине слова в русском; русские стихотворные размеры могут быть почти точно воспроизведены на немецком языке. Но ритм стихов Маяковского не соответствует классическим, принятым в поэзии размерам.

Переводчику приходилось ломать устоявшиеся традиции немецкого стихосложения и искать аналогии стихотворных размеров Маяковского в немецкой народной поэзии, в ее ритме. Этот народный стихотворный размер применял Гете в первой части Фауста, Шиллер в «Лагере Валленштейна», применял его и Гейне. «Ритм — это основная сила, основная энергия стиха», — писал Маяковский. Ритм Маяковского передан переводчиком с почти абсолютной точностью в первых строфах поэмы «Владимир Ильич Ленин»; эти строфы звучат почти с той же силой на немецком, как и на русском языке. Сложнейший ритм стихосложения, энергия стиха Маяковского очень точно передана в главе, рисующей штурм Зимнего дворца, из поэмы «Хорошо!».

Автору перевода Гуго Гупперту пришлось вводить в немецкое стихосложение излюбленные Маяковским неточные рифмы, ассонансы, пришлось передать великолепные составные рифмы Маяковского — вроде таких: «Лет до ста расти нам без старости. Год от года расти нашей бодрости». И все это надо было применять без всякого насилия над немецким стихом.

Достаточно прочитать в немецком переводе Гупперта разговор Кусковой с Миллюковым из поэмы «Хорошо!», чтобы убедиться в том, что сатирический яд, блестящая ирония Маяковского дойдут до читателя, не владеющего русским языком. Дойдет до этого читателя и встреча с Блоком в той же поэме, фон этой главы — петроградская октябрьская ночь, которую Маяковский рисует так немногословно и сильно двумя-тремя стихами; самая встреча с Блоком и ее смысл переданы очень точно и поэтично в переводе Гупперта.

Переводы поэм Маяковского — значительный и ценный поэтический труд; значительный потому, что он открывает Маяковского, поэта Великой Октябрьской социалистической революции, новому читателю.

Почин этот надо приветствовать и развивать, надо работать над переводами других произведений Маяковского на немецкий язык, перевести хотя бы избранные произведения поэта на английский и французский языки. Интернациональное значение произведений Маяковского очень велико, и работа эта в полной мере себя оправдывает.

Л. НИКУЛИН.